

На путях преодоления нэпа¹

VI

В капиталистических условиях интересы отдельного предприятия доминируют над всем. Здесь вся работа подчинена задаче сохранения и приумножения индивидуального капитала. Но отдельное хозяйство может остаться владельцем реализуемой им стоимости лишь постольку, поскольку деньги благодаря самому акту реализации *implicite* возвращаются к нему. „Эквивалентное возмещение“ капиталиста есть поэтому основа основ.

В нашем построении внутрисиндикатских взаимоотношений, (если их брать в последовательно развернутом виде) для эквивалентного возмещения стоимости трестовской продукции вообще нет места. Тот приток ресурсов к отдельной хозяйственной единице, который в наших условиях имеет место, не есть эквивалентное возмещение продукции, реализованной трестом. У нас внутри синдикатских отношений, при последовательном их развитии, и самое понятие эквивалентного возмещения будет отсутствовать. Его место заступает целевое комплектное снабжение, ориентирующееся не на состоявшуюся ранее реализацию, а исключительно на следующий производственный акт. При том, приток этот происходит независимо от того, укладывается ли он в эквивалентное возмещение или нет, больше ли он его или меньше, ибо он определяется отнюдь не задачей имущественного возмещения, а той конкретной технико-производственной задачей, которую данная единица должна разрешить в следующем производственном обороте. Этот приток ресурсов обращен лицом не назад, к уже состоявшемуся отпуску трестовской продукции, а вперед, к новому производственному акту, который должен еще только совершиться. Снабжение, таким образом, коренится не в имущественном титуле, возникшем из предыдущего акта реализации, а определяется производственным заданием. В наших условиях приток ресурсов есть не функция предыдущего акта реализации, а функция будущей, заданной работы.

На первых стадиях синдикатского развития указанная конструкция взаимоотношений еще не выступает ясно. Сначала кажется, что мы стоим целиком на почве эквивалентного возмещения, от которого по особым соображениям делаются только отдельные, частичные отклонения (отчисления прибылей, амортизационных сумм и т. д.).

¹ Окончание. См. „Плановое Хозяйство“ № 8, 1929 г.

Эти отчисления, правда, сокращают размер притекающих сюда ресурсов, но не меняют еще принципиальной базы взаимоотношений, как взаимоотношений эквивалентного возмещения. Позже становится ясно, что мы имеем дело не с исключениями и только, что постепенно и самая база этих взаимоотношений коренным образом меняется. Если сначала именно отклонения от эквивалентного возмещения имеют свою специальную мотивировку, свое конкретное деловое лицо, а все обратные протекающие к тресту средства независимы от особого целевого назначения и опираются в этом движении единственно на имущественный титул, то, под конец, мы имеем уже противоположную картину: направляемые к отдельной единице ресурсы перестают носить характер безличного остатка, полученного после немногих вычетов из суммы эквивалентного возмещения, и сами становятся строго целевыми. Так, постепенно, ликвидируется вся конструкция эквивалентного возмещения. Даже то, что данная точка продолжает к себе притягивать, притекает к ней уже не в порядке эквивалентного возмещения. Если денежные суммы на выплату заработной платы и децентрализованное снабжение и т. д. направляются тресту, то суммы эти представляют здесь не столько возмещение какой-то части ранее отданной стоимости, а финансирование (на основе определенных технических коэффициентов) расходов на заработную плату и дополнительное снабжение, при чем техническое проведение этих расходов синдикат делегирует тресту, вместо того чтобы производить их самому, как он это делает в пределах централизованного снабжения. В сущности и суммарная заработная плата оплачивается здесь уже не трестом, а синдикатом, при чем синдикат только делегирует тресту (заводу) техническое выполнение этой операции. Поэтому даже там, где синдикат снабжает трест денежными средствами, мы имеем не кругооборот самостоятельного капитала треста и, в частности, не возвращение трестовского денежного капитала к повторной денежной форме, а технический момент движения, фактически объединенного синдикатом капитала данной отрасли.

Если свободным распорядителем ресурсов отдельной хозяйственной единицы является сама эта единица, если именно она дает направление основной массе своих ресурсов, если по ее собственным распоряжениям отдельные части этих ресурсов получают то или другое назначение, то все эквивалентное возмещение отпущенной продукции должно обязательно вернуться именно к ней. Но наша система хозяйственного управления построена на том, что распоряжение ресурсами отдельных единиц все более притягивается к вышестоящим хозяйственным органам. Поэтому нет необходимости, чтобы ресурсы от вышестоящей организации сначала полностью подвозились к самой этой хозяйственной единице и чтобы эта последняя следующим актом направляла их, скажем, НКФину, в БДК и т. д. Естественно, что вместо того, чтобы эта часть средств такими

круглыми путями шла к своему конечному назначению, вышестоящая организация сама направляет ее непосредственно по адресу.

Меняет ли это техническое упрощение что-либо в существе хозяйственных взаимоотношений? На первых порах нет, ибо даже тогда, когда вышестоящий орган непосредственно адресует соответствующие части эквивалентного возмещения окончательному их адресату, здесь все же презюмируется единство всех стоимостных частей трестовской продукции. Первично существует единство всего потока эквивалентного возмещения, которое лишь в порядке вторичного акта разделяется на отдельные части, получающие различное направление. При этом несущественно, возвращается ли это эквивалентное возмещение сначала целиком к хозяйственной единице, продукцию которой оно должно возместить, или непосредственно направляется синдикатом в конечные адреса. Если даже в фактическом своем движении средства эти и не представляют реального единства и разбиты на разные потоки, то в идее они все же продолжают существовать, как единая масса. Но чем полнее утверждается на практике непосредственное адресование отдельных стоимостных частей синдикатом, тем более и в идее это единство становится лишь условным и мнимым, а на каком-то этапе развития, вместо единства всего стоимостного эквивалента (в имущественном титуле отдельной единицы), создается в корне отличное единство, непосредственно выражающее реальный смысл совокупного движения отдельных стоимостных потоков.

Протекающий здесь трансформационный процесс складывается из трех этапов.

1. Сначала утверждается определенное назначение отдельных стоимостных частей эквивалентного возмещения, но без того чтобы синдикат непосредственно направлял эти суммы к конечному адресату. Указанные части продолжают свой обычный путь к производящей их хозяйственной единице, нормально возмещаемой в ходе кругооборота своего капитала. Соответствующие суммы в форме отчислений, производимых в последующем порядке, направляются к конечным адресатам самой хозяйственной единицей.

2. Позже эти назначения начинают непосредственно определять реальное движение соответствующих частей от синдиката к НКФину и т. д., минуя фазу первичного возмещения хозяйственной единицы. Здесь, вместо лишних, встречных пробегов устанавливается движение по прямым и коротким линиям. Но, в идее, отдельные потоки все еще представляют части единой имущественной массы треста.

3. И, наконец, третья ступень, когда не только реальный поток ресурсов разбит на отдельные части, имеющие первоначально разные направления, но потоки эти и, в идее, не объединены более единством имущественного титула треста. Здесь протекающий к тресту поток определяется уже только целевыми моментами. Принцип прежнего единства тускнеет. Он заменяется другим бытовым пониманием

фактического движения, исходящим не из единства имущественного титула отдельной хозяйственной единицы, а из единства движущихся ресурсов об'емлющего целого.

Если в товарно-денежном хозяйстве все товары своими ценами показывают, что они представляют частную собственность на определенную сумму денег и ожидают своего превращения в деньги, — это высшее их выражение, — то в социалистическом обществе продукты и фактически, и в идее представляют не деньги, и не частное имущество отдельной производственной единицы, а оперативную собственность народнохозяйственного целого. И нужно, чтобы продукты, соответственно этой своей общественной природе (практически, в самих бытовых буднях выявляемой), и в идее представляли только это организованное целое в его оперативном движении.

VII

Согласно нынешним законоположениям 88% трестовской прибыли в обязательном порядке изымаются у треста и передаются НКФину, БДК и т. д.¹ При нынешнем построении синдикатской работы, когда синдикат сам непосредственно производит указанные платежи в НКФин и БДК, подавляющая часть трестовских прибылей, вообще, не проходит через трестовскую кассу или трестовский счет в банке. Следовательно, подавляющая часть созданного трестом прироста стоимости к нему вообще не возвращается из процесса обращения.

То же, хотя и в меньшей мере, относится и к амортизационным суммам. Поскольку ВСНХ, по соглашению с НКФин, имеет право предписать отдельному тресту внести часть или даже полностью всю амортизационную сумму вкладом в БДК, эта последняя претерпевает ту же судьбу, что и указанная часть прибылей. По мере того, как синдикат сосредоточивает у себя выполнение таких отчислений, и эта часть стоимости продукции не возвращается к тресту из сферы обращения. Таким образом, в трестовскую кассу не обязательно возвращается даже и оборачивающаяся часть авансированных ресурсов.

¹ Эти 88% складываются следующим образом:

	В % 0/0
1. Подоходный налог	10,00
2. Отчисления в доход государства	38,34
3. Резервный капитал (8% заем)	8,73
4. Спец. капитал БДК	8,73
5. Вклад в БДК (половина капитала расшир. предпр.)	10, 9
6. Особые отчисления (из прибыли шерстяных трестов в „Овцевод“—10% и т. д.) около	0,75
7. Проф.-техническое образование	2, 7
И т о г о	88 15
8. Фонд улучшения быта рабочих и служащих	8,73
9. Премияльный фонд не более	0,22
10. Капитал расширения предприятия, остающийся в распоряжении треста	10, 9
И т о г о	100,00

Но мало того, и та часть стоимости, которая возвращается к тресту, претерпевает глубочайшие изменения. Если для капиталистического хозяйства прохождение каждой поступающей в обращение частью капитала денежной фазы является обязательным, и фаза эта представляет венчающую точку кругооборота капитала, то в наших условиях, даже возвращающаяся к тресту часть авансированного капитала не обязательно принимает денежную форму. Трест сдает синдикату свою продукцию; но одновременно идет встречный поток синдикатского снабжения, и в этой части денежная форма здесь выпадает. На первых порах денежная фаза выпадает здесь только технически, как это бывает при всяких безналичных расчетах, хотя на самом деле трестовский капитал невидимо фазу денежного капитала здесь все же проходит. Но позднее эта фаза выпадает и по экономическому своему существу, выпадает коренным и конститутивным образом.

Если на первых порах, когда синдикат еще не овладел согласованным регулированием обоих товарных потоков (снабженческого и реализационного), как взаимно обуславливающих друг друга, если в этот период комиссионные поручения и платежеспособная сила треста являются для синдиката единственно руководящими, то позже, вместо безразличной силы денежного капитала, растущую роль играют производственно-технические моменты. Синдикат энергично отсеивает предъявляемые к нему требования, не довольствуясь одной платежеспособностью треста; он выдвигает в качестве решающего критерия технико-производственную надобность, в соответствии с производственной программой.

Вследствие технической некомпетентности и неподготовленности к выполнению регулирующих функций, синдикат сначала осуществляет этот подход лишь частично и робко; эти технико-производственные критерии фигурируют в его работе только рядом с коммерческими критериями, сохраняющими еще первенствующее значение, но постепенно первые получают преобладающее значение и начинают суверенно определять снабженческую работу синдиката.

Однако и на этой стадии, где товарные потоки определяются единственно технико-производственными нормами, денежно-расчетные моменты не исчезают бесследно. Утратив свое определяющее значение, они сохраняют здесь значение последующих (в сущности, уже беспредметных) расчетно-технических операций. На первых порах технико-производственное нормирование трестовского снабжения и отпуска продукции неотступно переводится на денежно-расчетный язык и завершается в денежной форме; все операции проводятся именно в этих привычных терминах, хотя существо операций уже определяется другими моментами. Только позже эти другие подлинно решающие моменты будут выступать как самостоятельно завершающие и законченно выражающие собою всю операцию.

Мы имеем здесь нечто, аналогичное тому, что происходит при усвоении нового языка. Усваивая содержание книги, написанной на непривычном языке, мы сначала мысль ее неуклонно переводим на привычный язык. Лишь позже мы начинаем смысл ее брать непосредственно на языке самой книги без того, чтобы переводить его на привычную речь. Мы начинаем мыслить непосредственно оборотами и образами нового языка.

Хотя технико-производственные нормы, по существу, играют сейчас всеопределяющую роль (трест при данном снабжении должен дать столько-то продукции определенного качества,¹ мы все еще оформляем это, уловленное нами, натуральное существо в терминах денежного расчета. Но мы уже близки к тому, чтобы натурально-производственными нормами не только руководствоваться, но и самые расчеты завершать, в натуральных, а не денежных терминах. Сегодня синдикатское снабжение треста еще сопровождается условным денежным расчетом и отношения получают свое формальное завершение в этом последнем. Но мы идем к тому, чтобы преодолеть и эту (теперь уже беспредметную) форму расчетов, как она преодолена во взаимоотношениях между заводоуправлением и отдельным цехом, где ведется только расчет передаваемого в цех материала, сданной цехом выработки и остатка материалов. Таким образом, характер и титул даже той части ресурсов, которая направляется („возвращается“) тресту, претерпевает радикальное изменение. А в денежной „натуре“ к тресту притекает только совершенно небольшая часть средств (стоимость заработной платы, части материалов, которыми трест снабжается децентрализованно, и местных расходов); только в отношении этой части стоимость продукции реально проходит денежную фазу.

Былое единство притекающих к тресту денежных средств здесь радикально разрушено. Отклонение от прежнего типа начинается с того, что не все элементы стоимости возвращаются тресту. Сначала делаются отдельные строго целевые отчисления, которые сами по себе еще не разрушают идеи „эквивалентного возмещения“. В принципе же все возмещается. Но постепенно с ростом отчислений принцип „возмещения“ вообще отбрасывается и в трест направляются лишь технически мотивированные и целевым образом определяемые квоты материальных и денежных ресурсов. То, что не возвращается тресту, не требует особой мотивировки. Только то, что направляется тресту, теперь должно быть мотивировано. Так, количество переходит в качество.² Теперь уже не данной хозяй-

¹ В отношении сноса оборудования это пока менее ярко выражено; здесь еще нет той наглядности, которая есть в оборотных ресурсах.

² Аналогичные переходы количества в качество мы имеем каждый раз, когда в старый хозяйственный уклад внедряются элементы нового. То же имело место и в период внедрения элементов товарного хозяйства в натуральное, а затем и в период вытеснения первым второго и т. п. Маркс писал: „Те самые обстоятельства, которые

ственной единице принадлежит стоимость ее продукции, и только в виде исключения из нее делаются отдельные отчисления в пользу целого, а вся она фактически принадлежит целому, а в отношении треста делаются лишь производственно митивированные назначения.¹ При чем все эти назначения идут в порядке производственно-технических норм, одних, совершенно минующих денежную форму (материальное снабжение), а других, получающих также и денежную форму (но не в качестве денежного возмещения, а подвоза определенной квоты ресурсов, которая технически требуется здесь именно в денежной форме). Единство имущественного титула, объединяющего все стоимостные элементы трестовской продукции ($c + v + m$), сменяется последовательным производственно-целевым подходом.

Если в настоящий момент у нас, по видимости, еще сохраняется иллюзия собственных капиталов трестов, которыми трест в той или другой части будто бы самостоятельно распоряжается, то фактически (хотя и неформально) все трестовские капиталы уже объединены в синдикаты и реально представляют собою объединенный капитал отрасли, а не индивидуальные капиталы трестов. Последним предложением РКИ об образовании нового Химуправления — Химсиндиката, которому передаются все капиталы химических трестов, и новыми тезисами РКИ и ВСНХ эта, фактически уже реализованная в текстильной промышленности, тенденция получит и формальное утверждение.

VIII

Мы видели, что возможны три метода подвоза ресурсов. Один — эквивалентное возмещение отпускающей товар единицы с тем, чтобы она сама производила все платежи и отчисления. Другой — путь отказа от полного возмещения этой единицы с тем, чтобы необходимые отчисления делались непосредственно синдикатом и, таким

создают основное условие капиталистического производства — существование класса наемных рабочих, — содействуют переходу всего товарного производства в капиталистическое товарное производство. В той мере, как последнее развивается, оно действует разрушающим и разлагающим способом на всякую более старую форму производства, которая, рассчитанная преимущественно на непосредственное собственное потребление, превращает в товар (сначала Л. Ш.) только излишек продукта“. Позднее „...продажу продукта оно делает преобладающим, главным интересом, при чем сначала оно как будто не затрагивает самого способа производства, — таково было, например, первое действие капиталистической мировой торговли на такие народы, как китайцы, индийцы, арабы и т. д. Но потом, пустив корни, оно разрушает все формы товарного производства, основой которых служит или собственный труд производителя, или же просто продажа в виде товара только излишков продукта. Сначала оно придает товарному производству характер всеобщности и потом, постепенно, превращает все товарное производство в капиталистическое производство“. (Маркс „Капитал“, т. II, стр. 12, 13).

¹ Переход от единства одного типа к единству другого, более высокого типа, как правило, происходит на основе предварительного разложения первого. Разложение низшего единства является необходимым условием перехода к высшему. Для того чтобы капиталистический тип соединения рабочей силы и средств производства мог

образом, избегался двойной пробег ресурсов (один раз к организации, эквивалентно возмещаемой, а потом от нее к конечным адресатам отчислений). И третий — путь объединения всех средств и обязательств в об'емлющей организации, с нормированным целевым питанием и нормированной сдачей продукции об'емлемой единицы.

Совершенно очевидно, что рядовой и равноправный контрагент не может встать на второй и третий путь. Он не призван разбивать общую сумму эквивалентного возмещения на отдельные составные части и давать каждой из них особое направление. Только вышестоящая об'емлющая организация, а не рядовой коммерческий контрагент, может, взамен эквивалентного возмещения, организовать производство отчислений за счет подчиненной хозяйственной единицы (а на следующей ступени — организовать и совокупное капиталоуправление).

Но если внутри синдицированных отраслей такого рода сращивание капиталов и их фактическое превращение в единый капитал всей системы в значительной мере подготовлено и проведено, то в межотраслевой сфере, во взаимоотношениях между различными отраслевыми системами, как правило, еще полностью господствует практика эквивалентного возмещения. Если внутри синдицированных отраслей излишние пробеги ресурсов сейчас уже преодолеваются, то в межотраслевых взаимоотношениях эквивалентное возмещение поступает от равноправных систем полностью, и возможность прямого платежа контрагентом в общехозяйственные органы (НКФину, БДК и т. д.) исключена. Только тогда, когда синдикат будет иметь дело не с другим равноправным синдикатом или кооперативным центром, а с об'емлющим его оперативным органом (типа Синдиката синдикатов), и платежи отдельному синдикату будут поступать, следовательно,

состояться, необходимо было, чтобы докапиталистические формы соединения рабочей силы и средств производства были разрушены. Обезземеливание крестьян и разложение ремесла были способами такого разложения прежнего соединения рабочей силы и средств производства для подготовки более высокой капиталистической формы их соединения, соответственно характеру технического прогресса.

„Каковы бы ни были общественные формы производства, рабочие и средства производства всегда остаются его факторами“, которые „для того, чтобы вообще производить... должны соединиться. Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, различает отдельные экономические эпохи социальной структуры“.

„Если продажа собственной рабочей силы (в форме продажи собственного труда, или в форме заработной платы) представляет не изолированное явление, но предпосылку товарного производства, накладывающую свою печать на все общество... то это предполагает исторические процессы, которыми разлагалось первоначальное соединение средств производства с рабочей силой: процессы, в результате которых масса народа, рабочие, как немущие, противостоят неработающим, как имущим, как собственникам средств производства. Имело ли соединение перед своим разложением такую форму, что сам рабочий принадлежал в качестве средства производства к числу других средств производства, или же он был их собственником, — это дело не изменяет“. (Маркс. „Капитал“, т. II, стр. 13, 9).

только от об'емлющего органа, только тогда отпадет необходимость реального эквивалентного возмещения отдельного синдиката, с последующими отчислениями этим последним в центральные органы. В этих условиях необходимое адресование ресурсов (отчислений) Синдикат синдикатов будет производить непосредственно. Вместо отдельных встречных денежных потоков, на основе единства имущественного титула отдельных единиц, (хотя бы и синдикатского масштаба), где конечное адресование ресурсов достигается через ряд встречных и искусственных (с точки зрения этого конечного результата) операций, мы будем иметь непосредственное конечное адресование, на основе народнохозяйственного единства всех ресурсов. В этих условиях и отдельный синдикат будет получать уже не эквивалентное возмещение, а как и все остальные хозяйственные организации, только то, что ради определенных хозяйственных целей должно быть к нему направлено. Когда эти условия созреют пробьет час нэпа внутри нашего обобщественного сектора.

IX

Особая природа советского синдиката ярко выступает и в его юридической конструкции. Эта сторона дела получила несколько времени тому назад, достаточное освещение в специальной работе Всесоюзного совета синдикатов, посвященной вопросам синдикатского права. („Синдикаты и внутрисиндикатские отношения“, Москва, 1927 г.)

Чисто внешне взаимоотношения между синдикатом и трестом строятся на добровольно-договорных началах. Но достаточно ближе присмотреться к фактическому содержанию взаимоотношений обоих чтобы убедиться, что от договорных отношений двух равноправных сторон тут не осталось почти что и следа. Ни в самом содержании, ни в порядке возникновения этих договоров нет почти ничего, что напоминало бы договорно-коммерческую связь двух индивидуальных единиц атомизированного капиталистического хозяйства.

Проф. Шретер, в названном сборнике, пишет: „В типичных случаях, сама завязка правоотношения, т.е. возникновение обязанности треста представить товар синдикату происходит не в силу паритетного договора, как это вытекало бы из поставки или договора комиссии, а в силу постановления общего собрания или групповых собраний членов синдиката; при определении обязанностей треста последний не торгуется, он не имеет права соглашаться или не соглашаться“, как это предполагается при индивидуалистических договорах (ibidem, стр. 12).

„Договор возникает из свободного волеизъявления сторон... Договор считается заключенным лишь тогда, когда между сторонами достигнуто соглашение... по всем существенным его пунктам... Договор есть компромисс — равнодействующая сталкивающихся отдельных эгоистических волей... „Если мы обратимся к анализу внутрисин-

дикатских договоров, то мы убедимся, что ни один из вышеописанных моментов не является их обязательным и неотъемлемым свойством. Первый момент — договорная автономия отсутствует во внутрисиндикатских договорах.. Источником обязательства является не волеизъявление сторон, а воля коллектива, так как в основе синдикатских соглашений лежит не автономная воля договаривающихся сторон, а плановые начала, определяемые уставом синдиката или постановлением общего собрания... Но не только самая завязка соглашения... находится вне сферы заключаемого договора, но и самые существенные его пункты предрешаются, помимо воли непосредственных участников договора, или распоряжением органов административной власти (цена), или постановлением внутрикорпоративных органов (количество, условия расчета)" (ibidem, стр. 41—44).

„Синдикат и входящий в него трест в хозяйственном отношении составляют единое целое. Синдикат по своему социально экономическому назначению не имеет своей задачей самостоятельное хозяйствование в своих собственных интересах. Его хозяйственная деятельность имеет служебное значение. Цель синдиката двоякая: с одной стороны — рациональная организация финансовой и торговой деятельности трестов и сокращение торговых издержек, а с другой стороны — регулирование, методами коммерческого воздействия, производственной деятельности трестов с точки зрения интересов всей, объединяемой синдикатом, данной отрасли промышленности, а также всего народного хозяйства в целом. Поэтому синдикат и трест, заключая между собой договор на реализацию продукции треста или на снабжение треста сырьем и иными материалами, не ставят себе задачи согласования двух имущественных интересов, обмена имущественными выгодами.

Синдикат и трест договариваются между собой, как и в каком порядке осуществить единый имущественный интерес. Внутрисиндикатский договор не создает для сторон субъективных правомочий, обладающих имущественной ценностью, но распределяет между сторонами обязанности, связанные с осуществлением общего задания. Внутрисиндикатский договор — это договор — план, это взаимная инструкция, определяющая обязательное поведение каждой стороны по осуществлению данной хозяйственной операции" (ibidem, стр. 42).

У наших трестов одна общая цель, один интерес — осуществлять свою хозяйственную деятельность так, чтобы она соответствовала началам планового, социалистического хозяйства. Коммерческий расчет есть только метод организации госпромышленности. Выступая разрозненно на рынке, тресты были бы не в состоянии действовать так, как этого требует плановое хозяйство. Только через синдикат достигается эта организационная возможность.¹

¹ Если обратиться к конкретному содержанию внутрисиндикатских договоров, то ярко выступает следующее: они почти не содержат условий, исполнение которых служит для получения имущественной выгоды той или иной стороной. В этих пунк-

Такие основные элементы договора, как цена и условия, на которых синдикаты должны реализовать трестовские товары, устанавливаются не в порядке соглашения с трестом, а на основании постановлений синдикатских органов. Эти „постановления, по существу, являются постановлениями одного из контрагентов, обязательными для другого контрагента, которому остается только оформить эти постановления своей подписью, без какой-либо возможности внести в них какие-либо изменения, даже и в том случае, когда он, при принятии указанных постановлений собранием уполномоченных или на торговых совещаниях, был против них. Здесь мы имеем типичный пример того отсутствия свободного волеизъявления со стороны треста — члена синдиката, которое лишает документ, внешне являющийся собой вид договора, значения договора, как правоустанавливающего акта, и превращает его в исполнительный документ, лишь оформляющий права и обязанности, установленные в другом месте и другими актами (постановлениями собраний уполномоченных или торговых совещаний синдиката)... основанными... на суверенитете коллектива" (Киснемский, „Элементы корпоративных отношений в практике внутрисиндикатского оборота", ibidem, стр. 56, 57).

Договоры эти и по существу лишены самого характерного стремления каждой из сторон к использованию выгод от конъюнктуры рынка, и к извлечению максимальной прибыли, за счет своего контрагента. Они характеризуются совершенно другими принципами (уравнительным строением цен по отпускаемым трестам сырью и материалам, разложением между ними рисков и т. д.), чуждо индивидуалистическим и паритетным договорам. Эта тенденция получила наиболее глубокое проявление в практике двух преysкурантов: одного (единого) торгового преysкуранта, строящегося независимо от производственной стоимости товара в отдельных трестах и другого производственного преysкуранта, отражающего различную себестоимость товара у различных трестов.

При создании единого торгового преysкуранта, товары того или иного треста с высокой себестоимостью продаются ниже себестоимости и убытки треста возмещаются за счет всей объединенной промышленности данной отрасли. В форму какого договора можно облечь столь сложные взаимоотношения? „Совершенно очевидно, что здесь

тах содержатся лишь директивы хозяйственной политики, преследующие цели регулятивно-планового порядка. Наиболее полно и всесторонне разработанным внутрисиндикатским договором, охватывающим исчерпывающим образом все содержание внутрисиндикатских соглашений, является типовая договор ВМС со своими членами. В этом договоре содержатся 62 пункта. Из них лишь 20 пунктов касаются оперативных взаимоотношений, а остальные 42 пункта касаются исключительно области регулирования. „То социально-экономическое явление, которое облачается в форму внутрисиндикатского договора, совершенно иного порядка, чем то, что составляет социально-экономическую сущность всякого другого договора. Материальная основа внутрисиндикатского договора — это не законом защищенный имущественный интерес, но организационный план для осуществления определенной общей цели" (ibidem, стр. 42).

мы подошли к моменту, когда корпоративная власть синдиката доходит до той высшей точки, когда она не только предопределяет все основные условия договоров, заключаемых с отдельными трестами, но уже совершенно уничтожает и самую возможность такого изолированного договора, ибо нельзя заключить отдельно с данным трестом ни комиссионного договора — для того, чтобы продавать товар ниже его себестоимости для треста, ни договора купли-продажи — для того, чтобы затем продать товар ниже той суммы, которую надо заплатить за него тресту. Здесь явное „перерастание“ корпоративной сущности отношений над их частно-правовой оболочкой“. Необходимо поэтому, чтобы „... корпоративная природа синдикатского объединения разорвала, наконец, изношенную договорную оболочку и нашла собственную правовую форму“ (Шкляр, „Внутрисиндикатские отношения в связи с ростом корпоративных начал в синдицированной промышленности“, *ibidem*, стр. 37, 38).

Договор между синдикатом и трестом является лишь исполнительным документом, не производящим право, а исполняющим правовые императивы, возникающие из целевого назначения синдиката, согласно норм, содержащихся в утвержденном уставе синдиката.

В основе взаимоотношений между синдикатом и трестами лежит „уставно-плановое начало... Договоры между синдикатом и его членами, по исполнению социально-целевых функций первого, отличаются тем основным признаком, что в них отсутствует автономия сторон. Содержанием этих квази-договоров является установление взаимоотношений сторон по осуществлению определенного оперативного плана, к исполнению которого стороны уже обязались в силу постановлений устава“.¹ (Фрадкин, „Внутрисиндикатские отношения и наше законодательство“, *ibidem*, стр. 17, 18).

На ряду с корпоративными началами, в синдикатской работе известное место занимают и публично-правовые элементы. „Устав синдиката, будучи, по условиям своего возникновения, продуктом договорного соглашения между участниками синдиката, фактом утверждения правительством (СТО, ЭКОСО), становится в отношении к синдикату независимым от него статутом, обязательным для него образом определяющим его организацию, функции, порядок дея-

¹ Но и взаимоотношения между синдикатом и трестами не исчерпываются одними лишь односторонними волеизъявлениями синдиката, хотя последние явно и доминируют в них.

Где-то власть синдиката в отношении отдельных трестов кончается и в дальнейшем по тому же правоотношению начинается паритетное отношение. Так например, если властью синдиката определяется размер поставки, ее контингенты, цены и т. д., то, с другой стороны, вопрос о забраковании той или другой партии, о скидках за несоответствие качества, вопрос о процентах за несвоевременную уплату и проч. разрешаются на паритетных основаниях, по соглашению с синдикатом. Сюда нужно отнести и такие детальные вопросы, как место доставки, порядок приемки и проч. Правда, значение всех этих моментов сугубо второстепенное.

тельности и проч. Следовательно, по материальному своему содержанию, устав синдиката представляет собою постановление правительства. Поэтому, и сам синдикат, несмотря на свою формально-правовую самостоятельность, — не суверенный носитель свободно избираемых им хозяйственных целей, но социально-целевое образование со специализированными функциями. Финансово-операционный план синдиката, как программа его деятельности, принимается общим собранием членов синдиката, в порядке их хозяйственного самоопределения. Но утверждение этого плана органами ВСНХ и регулирование его Наркомторгом создает необходимую согласованность деятельности синдиката с общим централизованным планом всего народного хозяйства... При таких условиях финансово-операционный план синдиката, по своему существу, становится тем же, чем является программа деятельности для всякого вообще государственного органа...

„Формальная договорная автономия синдиката совмещается с весьма глубоко проникающим государственным регулированием его оперативной работы“. Помимо утверждения ВСНХ финансово-операционного плана синдиката, „таксировка Наркомторгом его отпускных цен, регулирование им размещения товарных масс и т. д. все это, не затрагивая формальных приемов торговой деятельности синдиката, определяет направление и содержание его операций. Наиболее яркими примерами использования договорного института для целей государственного воздействия через синдикаты на торговый оборот является включение в состав генеральных договоров мер экономического воздействия за нарушения постулатов государственной политики“ (Иваницкий, „Публично-правовая сущность и частно-правовые элементы организации советских синдикатов“, *ibidem*, стр. 8 и 9).

Мы, конечно, далеки от того, чтобы в лице синдикатов иметь чистый тип публично-правового института, но мы имеем здесь сочетание публично-правового и частно-правового начал.

„Такое сочетание публично-правовой природы государственного хозяйства, с используемыми в нем частно-правовыми структурными приемами, должно дать единую правовую систему советского государственного хозяйства, вполне обеспечивающую, с одной стороны, прогрессивное развитие социалистических элементов советской экономики, с другой — жизнеспособность государственных предприятий, как участников рыночного — торгово-промышленного строя. В этой правовой системе, публично-правовые и частно-правовые элементы должны не механически сосуществовать, а образовать одно органическое целое, в котором заимствованные из частно-правового обихода формы и связи обращаются в институты чисто служебного значения, играют роль технических средств для разрешения социально-политических и государственно-экономических задач... Эти частно-правовые элементы представляют собою лишь чисто внешние приемы

особой системы управления государственным хозяйством, совершенно не затрагивающие его общей публично-правовой установки. Они не только не препятствуют проведению государственной политики в области государственного хозяйства, но, напротив того, сообщают ей особую гибкость и эластичность" (ibidem, стр. 6, 7).

В первом периоде синдикатского развития, сочетание договорного и корпоративного начал, частно-правового и публично-правового начал являлось основным условием жизнеспособности, практичности и прогрессивности данной формы (при чем, на первых порах, договорные моменты преобладали над корпоративными, а корпоративные над публично-правовыми). Но развитие идет в сторону совершенно несомненного преобладания корпоративного начала над договорным и публично-правового над частно-правовым. Сейчас старая мера сочетания одного и другого сплошь и рядом уже не гарантирует жизнеспособности построения синдикатской работы. Сейчас старое сочетание не всегда уж играет роль прогрессивного начала. В настоящих условиях именно преодоление этих разнородных моментов в построении синдикатской работы и большая внутренняя унификация последней, на основе своеобразного публично-правового начала, а не сохранение тех и других, выражает прогрессивные тенденции нынешней стадии синдикатского развития.

Х

Одним из наиболее интересных моментов эволюции синдикатской системы является ее взаимоотношения с планирующими и управляющими органами (ВСНХ).

Наши тресты и синдикаты являются детищем нэпа. Они пришли на смену главкистской военно-коммунистической системе управления, не сумевшей разрешить задачи послевоенного восстановления нашего хозяйства. Военно-коммунистическая система сорвалась, прежде всего, из-за „отрицательного воспроизводства“ периода гражданской войны и интервенции (и тех социально-политических осложнений, с которыми это „отрицательное воспроизводство“ было связано); но она сорвалась отчасти и из-за технической беспомощности тогдашней главкистской системы и ее неподготовленности к руководству народным хозяйством. Последнее обнаружилось вскоре же после ликвидации гражданской войны; уже через короткое время стало ясно, что главкистские (военно-коммунистические) методы управления хозяйством не обеспечат того быстрого восстановления народного хозяйства, которое нам до-зарезу было необходимо.

На смену главкистской системе пришел нэп с его коммерциализацией хозяйственных отношений (даже внутри обобщественного сектора). Коммерческий расчет, самоснабжение отдельных предприятий, непосредственный выход на рынок, работа „с целью получения прибыли“ в этом мы пытались найти выход из тупика, куда зашло все наше хозяйство в том числе и обобществленный сектор хозяйства,

(при том не только в своих взаимоотношениях с частным сектором, но и во взаимоотношениях отдельных своих частей). Прямое централизованное управление хозяйством не могло решить задачи быстрого хозяйственного под'ема даже в пределах одного лишь обобщественного сектора. Центр тяжести оперативной хозяйственной работы был поэтому перенесен на отдельные хозяйственные единицы, действующие на началах коммерческого расчета.

Но нэп ни в какой мере не означал отказа от государственного управления и планирования. Основных социалистических позиций, в их существе, мы не собирались сдавать. Только методы осуществления задач менялись. И чтобы удержать в руках хозяйственных центров руководство и планирование обобществленным сектором (и прежде всего промышленностью), мы построили двойственную систему хозяйственного руководства.

Спасая наше хозяйство нэпом, мы одновременно спасали социалистическое ядро нашего хозяйства от отрицательных сторон нэпа. Именно поэтому, на ряду с коммерциализацией оперативной работы, была сохранена система государственного управления и планирования обобщественного сектора. Правильно, недавно, отмечал по этому поводу т. Гольцман в статье „Управление промышленностью в Германии и в СССР“. „Цель отделения плановых функций, сосредоточенных в ВСНХ, от оперативных функций, сосредоточенных в трестах, заключалась в том, чтобы, восстанавливая промышленность на основе новой экономической политики, дать все же направление этому восстановительному процессу по пути, предусмотренному планом. В оперативной деятельности треста могли отражаться как положительные, так и отрицательные стороны нэпа. В своей оперативной работе тресты... рисковали подвергнуться влияниям со стороны представителей частного капитала, что довольно часто имело место. Но плановые функции, сосредоточенные в ВСНХ, не должны были подвергаться влияниям рыночной стихии. Они должны были представлять собою кристаллическое выражение генеральной линии..., они должны были переламывать отрицательные влияния новой экономической политики и направлять экономику страны, в первую голову промышленности, по пути социалистической реорганизации“.

Отделение плановых функций от оперативных,—этот тип регулирования промышленности, в основном, сохранился до сих пор. А между тем целесообразно ли сохранять этот тип регулирования?

„Мы видели причины, приведшие в начале новой экономической политики к такому отделению. Эти причины в настоящее время больше не действуют. Государственное начало оказалось победителем в борьбе с нэповской стихией. Опасность затопления... социалистического здания промышленности нэповскими волнами оказалась нереальной... С другой стороны, тресты и синдикаты настолько укрепились, что планирующие органы не в состоянии

одной только силой „приказа“ оказать серьезное влияние на их деятельность... Концентрировав в своих руках сбыт продукции, синдикаты невольно подходят к постановке вопросов планирования... На практике эта эволюция синдикатов привела к тому, что они вынуждены были изучать условия роста продукции, капитального строительства и т. д. параллельно с деятельностью органов ВСНХ и дублировать, следовательно, их работу...

Следовательно, выдвигается необходимость слияния главков и синдикатов по всей линии промышленности... Нет абсолютно ничего нетерпимого в том, что функции планирования, якобы девственные по своей социалистической природе, будут соединены с оперативными функциями такой прозаической вещи, как торговля.

Если верно, что эволюция современной системы управления идет по пути отмирания части государственных органов и превращения аппарата регулирования в аппарат оперативный (а это безусловно верно), то первые шаги этого процесса должны сказаться, прежде всего, в области промышленности, где последовательно-социалистический тип предприятий нами уже достигнут...

Приобретая оперативное руководство над предприятиями, ВСНХ приобретает вместе с тем влияние не только силой приказа, силой постановления, иначе говоря, силой принуждения или морального авторитета, но приобретает также действительную хозяйственную власть и становится зачатком того оперативного распределительного органа в промышленности, какой нам представляется, в идеале, при социалистическом строе.

Эти начала получили наиболее яркое выражение в реорганизованном в прошлом году ВТС. Последнему было передано планирование и регулирование промышленности, и управление, и руководство подведомственными ВСНХ предприятиями: текстильными трестами, торговыми, сырьевыми, сбытовыми и снабженческими обществами. На этой же основе РКИ предполагает реорганизовать в ближайшее время и остальные синдикаты и главные управления. Среди них, в одну из первых очередей намечены к реорганизации Химсиндикат и Главхим. РКИ предлагает все руководство химической промышленностью теперь же объединить в одном органе, путем слияния Главхима с Химсиндикатом и передачи объединенному органу всех капиталов химической промышленности и сосредоточения у него всей прибыли последней. Здесь намечается не только слияние управленческой работы с оперативной, но и значительное усиление оперативных позиций синдиката и Главхима, путем передачи им всех капиталов трестов.

Таким образом под управление промышленностью подводится не только новая оперативная, но и материальная база, между тем, как сейчас Главные управления ВСНХ не имеют никакого права непосредственного распоряжения материальными ресурсами подведомственной им отрасли промышленности. По проекту РКИ, тресты,

как коммерческие организационные центры, ликвидируются, а заводы непосредственно подчиняются общепромышленному центру. В виде некоторого рудимента бывших трестов, предполагается оставить лишь особые технические управления, образуемые при главнейших заводах или в районах нескольких заводов. В задачи этих технических управлений входит изучение производства на основе заводских технических отчетов и калькуляций, наблюдение за выполнением директив по снижению себестоимости, установление норм сырья, топлива и материалов, контроль за качеством продукции, введение новых технологических процессов, руководство рационализаторской работой и т. п.

Намечаемую в лице особых технических управлений организацию технического руководства промышленностью нельзя считать окончательной. Хотя сейчас организация их, повидимому, была бы действительно целесообразной, но есть основания думать, что они представляют собою только переходную форму в развитии централизованного технического руководства промышленностью.

Мы идем, таким образом, к полному сращиванию, с одной стороны, трестов и синдикатов, и, с другой — синдикатов с соответственными наркоматскими управлениями. Но одновременно (как это можно усмотреть из опыта создания Госбанковского текстильного агентства внутри текстильного синдиката) намечается еще и сращивание этих новообразований с соответственными банковскими организациями. Не только организация нашего материального хозяйства подымается сейчас на высшую ступень, но одновременно подготавливается сращивание материального и финансового хозяйств (знаменательный начальный шаг по пути натурализации обобществленного сектора) и сращивание оперативно-хозяйственного и управленческого аппаратов (многозначительное звено в процессе преобразования советского государства).

XI

Такова линия общего развития синдикатской системы. Линия эта не представляет собою произвольной конструкции. Она — результат не спекулятивного умозрения, а анализа фактического развития наших синдикатов.

Было бы недопустимо, если бы мы, анализируя реальный ход развития синдикатской системы, ограничивались одним лишь скудным описанием отдельных частных фактов. Задача всякого теоретического изучения заключается в том, чтобы заставить эти частности говорить языком обобщений, языком больших линий развития. Но из того, что практика подводит нас к такого рода обобщениям, не следует, что практика полностью достигла того уровня, который абстрактно выражен в этих обобщениях. Из того, что та или иная общая тенденция уже намечается, не следует, что она единодержавно господствует в практике, вытеснив и преодолев остатки прежних

образований. Было бы недопустимо из-за деталей не увидеть общей линии. Но не менее ошибочно было бы, под влиянием выявившейся общей линии, оторваться от реальной действительности с ее многообразием перекрещивающихся тенденций, и разнообразием стадий развития. Дать этой тенденции (как бы она ни была важна для понимания основной линии развития) заслонить все многообразие фактической действительности было бы также недопустимо. Лишь конкретное описание может показать, каков на данной стадии удельный вес и значение этой тенденции в многообразной практике отдельных синдикатов, в какой мере она фактически окрашивает собою работу того или иного из них.

На деле не все синдикатские организации одинаково продвинулись в обрисованном направлении. Одни находятся в начале этого процесса, другие прошли уже полпути и больше. Одни пошли уже далеко в организации сбыта, другие в организации снабжения и т. д. Дальше всех пошел ВТС. Но и он не поглотил еще формально трестов и не оформился в синдикато-трест. Даже в этом авангардном синдикате наметились только основные элементы, а последовательная перестройка, на основе новых принципов и в нем не закончена. Поэтому, о полном, „классическом“ преодолении нэпа внутри отдельных отраслей обобщественного сектора пока нельзя еще говорить. В одних синдикатах сохраняется не только коммерческая форма, но и самый коммерческий характер взаимоотношений (на ряду, конечно, с тенденциями к их преодолению). В других — коммерческое существо на три четверти уже выветрилось, но осталась еще коммерческая форма и еще не произведена формальная реконструкция, дающая новому существу соответственное выражение.

Однако, отнюдь не обязательно, чтобы все элементы новой системы сначала созрели в недрах старой формы и чтобы лишь потом, когда они созреют, этому внутренне законченному процессу было дано соответственное внешнее выражение. Разве в нашем духе отречься от стимулирования сверху органических процессов? Ведь именно в этом, последнем порядке было произведено слияние ВТС и Главтекстиля и передача синдикату управленческих функций. Именно в этом порядке РКИ предполагает сейчас произвести реорганизацию Главхима и входит с общим предложением о реорганизации синдикатской системы.

Для того, чтобы оформление могло состояться, нет надобности, чтобы все элементы были предварительно налицо. Не надо из органичности процесса делать себе идола. Она лишь метод (один из методов) осуществления нужного перехода. Решающее значение имеет, очевидно, существо перехода, а не его метод. Важно лишь переход осуществить наиболее коротким и практичным путем. Решающее значение имеет только вопрос о практической подготовленности перехода.

Если элементы данного перерождения на три четверти определились и тем самым выяснилась подготовленность синдиката к охвату всех сторон деятельности треста, выяснилась его практическая компетентность и деловая квалификация, то завершение процесса может быть произведено и сверху в порядке регулирующего акта.

Если в прошлом развитие синдикатской системы характеризовалось спонтанностью и органичностью, то на базе этого предыдущего развития мы сейчас повидимому подошли к полосе планомерной, сознательно-принципиальной реконструкции синдикатов сверху.

XII

В тот период, когда мы над отдельными фабриками и заводами создавали трестовскую систему, мы строили в сущности второй этаж нашего хозяйственного здания. После этого внутри обобщественного сектора нам оставалось построить еще только два этажа: целостные отраслевые организации (отраслевые синдикаты, перерастающие в отраслевые тресты), а затем единый народнохозяйственный центр оперативного типа (Синдикат синдикатов, постепенно превращающийся в сверхтрест и прибирающий к своим рукам одновременно и производство и „обращение“, и перераспределение ресурсов, т. е. функции финансовой системы, и функции управления). Система отраслевых объединений, — наш третий этаж, сейчас близок к своему завершению. Нам остается, следовательно, построить еще только один, последний этаж, и социалистическая организация оперативного руководства обобщественным сектором будет закончена.

Предстоящая нам, по этому четвертому этажу, строительная работа будет, в основном, воспроизводить черты проделанной только что эволюции от треста к синдикату. Различие между работой по третьему и четвертому этажам будет заключаться, прежде всего, в том, что в последнем строительство будет происходить на более высокой ступени и с меньшим числом объектов. Немногочисленность отраслевых систем и то обстоятельство, что развитие пойдет здесь на основе решающего опыта трестовской эволюции к отраслевому синдикато-тресту, позволяет думать, что эволюция от третьего этажа к четвертому пойдет скорее и легче, чем строительство предыдущего этажа и не потребует для себя 6—7 лет, как это было с синдикатами.¹ Есть основание думать, что задача эта будет вчерне решена еще в пределах нынешнего пятилетия.

¹ Это ускорение в темпе развития отмечает и Совет синдикатов. „Если в синдикатах, организовавшихся до 1926/27 г., процесс синдицирования растянулся на ряд лет и происходил постепенно, то синдикаты, организовавшиеся в 1927/28 г., уже в 1928/29 г. концентрируют сбыт подавляющей части продукции, объединяемых ими отраслей промышленности“ („Синдикатская система СССР“ 1929 г., стр. 1).

Правильный учет путей и методов синдикатского строительства и умелый перенос их в следующий этаж, при социалистической реорганизации межотраслевых отношений, сыграет огромную роль в процессе преодоления нэпа внутри обобщественного сектора.

Именно такая организация, как синдикат, т.-е. одна из „самых нэповских“ организаций, стала основным органом преодоления нэпа (внутри обобщественного сектора). И это понятно. Нэп означает, прежде всего, рынок. Преодоление нэпа означает поэтому, прежде всего, преодоление рынка. Но очевидно, что непосредственно эту задачу должна была взять на себя та государственная организация, которая действует на рынке и его организует. Внутри отдельных отраслей такой организацией является синдикат и кооперативная система; в межотраслевой сфере такой организацией станет Синдикат синдикатов. Вот почему значение их для проблемы преодоления нэпа внутри обобщественного сектора огромно.

Мы значительно ближе к замене товарно-денежных форм „обращения“ социалистическим распределением ресурсов, чем это кажется сейчас. Значительный шаг в этом отношении (и прежде всего в пределах обобщественного сектора) будет сделан еще в нынешнее пятилетие.

Широко усвоено, что наша пятилетка есть план великих работ. Но не надо упускать, что это пятилетие будет периодом и великих организационных реформ и начала преодоления нэпа.¹

¹ Настоящая статья в основном была написана задолго до постановки НКРКИ и ВСНХ вопроса о реорганизации управления промышленностью. Последующие конкретные предложения РКИ и ВСНХ нашли поэтому в ней лишь слабое отражение.